

«А ЖИЗНЬ, ТОВАРИЩИ, БЫЛА СОВСЕМ ХОРОШАЯ...»

Аркадий Петрович Голиков (1904–1941), известный в литературе как Аркадий Гайдар, сам никогда не рассказывал о происхождении своего псевдонима. Существуют разные версии. Самая известная: в переводе с монгольского «Гайдар» – это «всадник, скачущий впереди». Вторая: «хайдар» по-хакасски значит «куда?». Третья сообщает, что так называли пастухов в украинских степях. Четвёртая, самая сложная, утверждает, что в псевдониме зашифровано его имя и город детства: Голиков Аркадий из д'Арзамаса (на французский манер). Ни одно толкование не является достоверным. Ясно только, что это звонкое имя нравилось Гайдару.

О своей жизни он говорил: «Это была обыкновенная биография и необыкновенное время». Аркадий Голиков родился в российской провинции, неподалёку от Льгова, в семье учителей. Отец, Петр Исидорович, был из крестьян, мать, Наталья Аркадьевна, – дворянка по происхождению. Названный в честь деда, Аркадий никогда его не видел: дед не мог простить дочери брак с простолудином. Родители его участвовали в первой русской революции, помогали подпольщикам. Они принадлежали к большевистской старой гвардии.

В Арзамас семья переехала, когда Аркадию было 4 года. В 10 лет он пытался убежать на фронт, в 14, приписав себе два года, добровольцем пошёл в Красную Армию. Он прошёл путь от адъютанта до командира полка и был, наверное, самым молодым полковником в истории русской армии. Он был отважным «красным командиром», убеждённым в том, что воюет за правое дело. Он искренне верил в будущее процветание страны

рабочих и крестьян и жизнь положил для достижения этой цели. Он много раз был ранен, контужен, переболел тифом... В 20 лет по состоянию здоровья был уволен из армии, что стало для него настоящей трагедией. По совету знаменитого военачальника М. В. Фрунзе Аркадий Голиков взялся за перо, чтобы описать пережитое.

В газетах и журналах стали появляться его рассказы и повести о Гражданской войне. Настоящий успех пришёл в 1925 году после публикации рассказа «Р.В.С.». И оказалось, что Гайдар обладает даром писать для детей. Он умел откровенно говорить с детьми о самых серьёзных вопросах жизни. Он хотел, чтобы они понимали, для чего живут и на чьей стороне борются. Хотел передать молодому поколению веру в светлые идеалы и надежду на то, что им доведётся жить в другой, счастливой стране. Как говорил отец Мальчиша-Кибальчиша: «...Я жизнь круто прожил, и пожить за меня покойно, видно, тебе, Мальчиш, придётся».

Вскоре Гайдар стал постоянным автором только что созданного детского издательства, где вышли все его следующие книги. В Детиздате навсегда запомнили его шутки и розыгрыши. Рассказывают, что для «выбивания» гонораров он прятал за пазухой ужа, а когда «натравливал» его на главного бухгалтера, тот невозмутимо произносил: «Аркадий, уберите вашу змею. Денег нет».

Гайдар вообще был весёлым человеком. Он был уверен, что детям нельзя давать скучать. Поэтому вместе с обязательной загадочностью, таинственностью, с непременными приключениями, неожиданными поворотами в ходе событий в книгах Гайдара обязательно есть юмор. А чувство юмора особенно важно, когда вокруг не всё ладно. Гайдар хорошо понимал, в какое время выпало жить читателям его книг. Впереди была

война – это он знал точно, об этом его знаменитые слова о писателях, которые готовили «краснозвёздную гвардию».

Потому-то вместе с ощущением счастья даже в самых светлых и весёлых произведениях Гайдара живёт беспокойство. Светлана из «Голубой чашки» переживала за родителей, которые поссорились. Повод был пустяковый – кто-то разбил голубую Марусину чашку. Ни Светлана, ни её отец чашку, конечно, не разбивали. Они обиделись, и отец предложил:

– А давай-ка, Светлана, надень ты своё розовое платье. Возьмём мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твоё яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдём из этого дома куда глаза глядят.

Подумала Светлана и спрашивает:

– А куда твои глаза глядят?

– А глядят они, Светлана, через окошко, вот на ту жёлтую поляну, где пасётся хозяйская корова. А за поляной, я знаю, гусиный пруд есть, а за прудом водяная мельница, а за мельницей на горе берёзовая роща. А что там за горой, – уж этого я и сам не знаю.

И пошли они по лугам и полям, попали в болото, полюбовались речкой и озером, видели учения красноармейцев, встретили разных интересных людей, со всеми поговорили, кое-кого пряниками угостили, а сами получили в подарок два огромных огурца и маленького пушистого котёнка... А когда вернулись домой, обида ушла, они вновь ощутили покой и радость, и Светлана произнесла в конце истории: «А жизнь, товарищи... была совсем хорошая...» Поначалу рассказ так и назывался – «Хорошая жизнь», но потом Гайдар подумал, что хорошая она была в тот момент для героев рассказа. А в стране всё было очень напряжённо, и жизнь могла в любой момент разрушиться,

как хрупкая голубая чашка... Приближение опасности, тревога чувствуется в истории настоящего подвига подростка Володьки («Дым в лесу») и даже в, казалось бы, благостном «новогоднем» рассказе о приключениях забавных малышей Чука и Гека.

Все книги Гайдара были очень любимы читателями, потому что они были невероятно увлекательны, поражали свежестью, сочностью, яркостью языка, а также прекрасным знанием детей. Ещё бы – писатель часто играл с детьми и, наблюдая за ними, научился их понимать. Он знал, что дети и взрослые видят мир по-разному. Да что там дети и взрослые! У родных братьев Чука и Гека совсем разные характеры, но всё-таки между собой они договорятся быстрее, чем со взрослыми, и если надо что-то утаить – например потерю полученной от папы телеграммы, – они изобретут формулу «Мы не выскочки». То есть и не соврут, и правду не скажут.

Для Гайдара было очень важно объединить детей и взрослых, потому что только вместе они могли одолеть надвигавшуюся на их Родину большую беду и победить фашистов. Это и была их общая военная тайна, суть которой выражена в концовке рассказа о Чуке и Геке: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся советской страной». За эту страну и погиб Гайдар в первые месяцы Великой Отечественной.

Нет теперь той страны, в которой жил Гайдар и его герои, но главный завет писателя – любить и беречь свою Родину – остаётся навсегда.

Ольга Корф

ЧЕТВЁРТЫЙ БЛИНДАЖ

Кольке было семь лет, Нюрке – восемь. А Ваське и вовсе шесть.

Колька и Васька – соседи. Обе дачи, где они жили, стояли рядом. Их разделял забор, а в заборе была дыра. Через эту дыру мальчуганы лазили друг к другу в гости.

Нюрка жила напротив. Сначала мальчишки не дружили с Нюркой. Во-первых, потому, что она девчонка, во-вторых, потому, что на Нюркином дворе стояла будка со злющей собакой, а в-третьих, потому, что им и вдвоём было весело.

А подружились вот как. Приехал однажды к Ваське из Москвы его задушевный товарищ – Исайка Гольдин.

Исайка был ровесником Васьки и был похож на Ваську. Только что чуть-чуть потолще, да волосы у Исайки почернее, да ещё было у Исайки ружьё, которое стреляло пробками, а у Васьки не было.

Приехал Исайка с отцом в выходной день. И вздумали ребята в лапту играть. А в лапту, известное дело, троём не играют – обязательно нужно четвёртого.

Пошли за Павликом Фоминым, который жил неподалёку. Но у Павлика болел живот. В лапту играть его не пустили, и сидел он дома совсем печальный, потому что выпил недавно касторки.

Что тут будешь делать? Где взять четвёртого? Вот Васька и говорит Кольке:

– А давай позовём Нюрку?!

– Давай, – согласился Колька, – у неё ноги вон какие длинные, она не хуже козы бегают.

Исайка согласился тоже.

– Только, – говорит Исайка, – хоть у меня ноги и короткие, а я тоже хорошо бегаю, потому что Нюрка без припрыга бегают, а я с припрыгом.

Позвали Нюрку.

– Иди, Нюрка, с нами в лапту играть.

Нюрка сначала очень удивилась. Но потом, видя, что ребята всерьёз зовут, ответила:

– Я-то бы пошла, да мне сначала огурцы полить надо. А то взойдёт солнце и рассада повянет.

Увидали ребята, что дело это с поливкой долгое будет. Тут Исайка и выдумал:

– Давайте мы тоже поливать будем. Одни воду подтаскивают, другие поливают, тогда раз-раз – и готово. А то одна она и до полдня прокопается.

Так и сделали. Сыграли в лапту десять конов. Сбегали на речку купаться. Потом Исайка с отцом уехали в город. И с того-то самого дня подружились Васька и Колька с Нюркой.

Жили они от Москвы недалеко, в посёлке, у самого края. Дальше начиналось поле, поросшее мелким кустарником. А ещё дальше, на горе, виднелась мельница, церковь и несколько домиков с красными крышами – то ли станция, то ли деревенька, – издалека не разберёшь.

Как-то Васька спросил у отца, как называется эта деревенька.

– Это не настоящая, – ответил отец, – это всё нарочно сделано.

– Как же не настоящая? – удивился Васька. – Как же не настоящая, когда и мельница, и церковь, и дома?.. Всё видно.

– А так и не настоящая, – рассмеялся отец. – Отсюда кажется, что и мельница и дома... А подойдёшь поближе, там ничего нет.

Удивился тогда Васька, но не поверил. И решил, что отец посмеялся или просто сказал так, чтобы от него отстали.

Полез к Кольке через заборную дыру. Глядит, а Колька с Нюркой сидят на заборе и что-то интересное в поле высматривают. Обиделся Васька и закричал им снизу:

– Вы что же это, сами интересное высматриваете, а меня не позвали?

А Колька отвечает:

– Мы только сейчас сами залезли. Я давно уже хотел сбегать за тобой. Залезай скорей на забор. Посмотри, какие красноармейцы с пушками приехали!

Залез Васька, смотрит: совсем рядом в кустах кони стоят, повозки на двух колёсах и пушки.

– Ну и ну! – сказал Васька. – Это что же такое дальше будет...

– А вот посмотрим, – ответила Нюрка. – Мы уже давно здесь сидим и всё дожидаемся.

– Ладно, – напомнил им Васька, – другой раз и я тоже раньше вашего сяду и вам ничего не скажу.

Но всё-таки на этот раз они не поссорились, потому что в кустах начиналось что-то очень занятное.

Лошадей у каждой пушки было по шесть штук – по три пары на пушку. Лошади отцепились от пушек как-то сразу, будто бы вагоны от паровоза. Красноармейцы возле пушек забегали и что-то такое крутили, ворочали, потом отбежали назад. Остался рядом с пушкой только один. И тот, который остался, держал в руке длинный шнур, привязанный к пушке.

– Ты, Колька, не знаешь, зачем это он за шнурок держится? – спросил Васька, усаживаясь поудобнее.

– Не знаю, – сознался Колька, – только если держится, то уж, значит, так нужно.

– Обязательно так нужно, – подтвердила Нюрка.

– А то если бы он не держался, тогда как же? – продолжал Колька.

– Ну конечно, – согласился Васька, – если бы не держался, тогда как же?..

Но тут красноармейский командир, который стоял позади с телефонной трубкой, что-то громко закричал. Другой командир, который стоял поближе к пушке, тоже что-то крикнул, махнул рукой, и тогда красноармеец дёрнул за шнурок.

Сначала сверкнул огромный огонь. Потом так ударило, как будто бы гром грохнул над самой печной трубой.

Ребята слетели с забора на траву.

– Ну и бабахнуло! – сказал Васька, поднимаясь.

– Здорово бабахнуло, – согласилась побледневшая Нюрка.

– Это вот когда дёрнут, тогда и бабахнет, – объяснил Колька. – А вы говорите, зачем шнурок да зачем! Я теперь сразу угадал – зачем. А вот скажи, Васька, почему ты с забора соскочил и меня с Нюркой спихнул?

– Я не соскочил, – обиделся Васька. – Это Нюрка первая соскочила, тряхнула забор, я свалился.

– Я не первая, – отказалась Нюрка. – Если бы я первая, то как бы я Кольке на спину упала?! Это он сам первый.

– Вот ещё! – рассердился Колька. – Это ты просто побоялась в крапиву падать и нарочно выбрала так, чтобы мне на спину. А я вот не побоялся и всю руку изжёг. – И, обернувшись к Ваське, он добавил: – Они все, девчонки, крапивы боятся. Куда уж им!

С тех пор красноармейцы с пушками приезжали часто. Только в среду да в понедельник стрельбы не бывало. А то каждый день.

Как только приедут артиллеристы, так бегут ребята прямо к кустам. Сядут на бугорочке, совсем близко, и смотрят: с бугорка всё видно и всё слышно. Слышно, как телефонист послушает в трубку и потом говорит командиру:

– Прицел 6-5, трубка 7-2.

Тогда командир кричит:

– Второе орудие!.. Прицел 6-5, трубка 7-2.

И бегут сразу красноармейцы ко второму орудью. Покрутят какое-то колесо, и орудие немного вверх приподнимается. Покрутят другое, и ствол орудия немного в сторону отойдёт. Тут, когда нацелятся артиллеристы, командир махнёт рукою – дёрнет красноармеец-наводчик за шнурок. Вот тебе и трах-бабах!

Куда летит снаряд – этого ребятам не видно. Но когда долетит и разорвётся, то тогда уже

видно, потому что над этим местом поднимется целое облако пыли и чёрного дыма.

И все снаряды рвались то около церкви, то около мельницы, то около домиков, которые виднелись далеко на горке.

– А страшно в той деревеньке жить! – сказала как-то Нюрка. – Я бы ни за что не осталась там жить. А ты, Васька?

– И я бы не остался, – ответил Васька. – А отчего это отец говорил, что там никакой деревеньки нет и всё это только отсюда кажется?

– Деревенька есть, – решил Колька, – да только из неё перед стрельбой все уходят.

– А лошадей куда?

– А лошадей тоже уводят.

– И коров тоже? – спросил Васька.
– И коров тоже, и разных там свиней, и баранов.
– И куриц тоже уводят? – полюбопытствовала Нюрка. – И уток тоже, и всех?

– Должно быть, уж и всех, – ответил Колька и замолчал, потому что самому ему чудным показалось такое дело.

Как раз тут стрельба окончилась, подвезли красноармейцам котёл на колёсах – кухню. Стал наливать им повар в котелки что-то – суп или борщ, а красноармейцы садились тут же на траву и ели. Тогда Васька сказал:

– Побежим домой. Я что-то поесть захотел.

Но Колька остановил:

– Погоди-ка немного, сюда командир едет.

Подъехал верхом командир. И возле самого бугорка остановился: закурить захотел. Вынул папиросы, вынул спички, стал зажигать. Да тут то ли его коня слепень укусил, то ли просто он забавлялся, а только дёрнулся конь и зафырчал.

Ухватился командир за повод.

– Стой, – говорит, – шальной! Чего крутишься?

А спички-то и выронил.

– Ребята, – попросил командир, – подайте-ка мне спички.

Васька всех ближе стоял. Схватил он коробку, да поскользнулся и упал. А Кольке обидно стало, что Васька подавать хочет. Подскочил он к Ваське и вырвал у него коробку. Васька как заорёт да Кольку кулаком по голове. Тут и началась у них драка. А Нюрка тем временем тихонько, боком,

боком... подобрала спички да и подала их командиру. Вот тебе и тихоня!

Посмеялся над ребятами командир, сказал им «спасибо» и ускакал.

Тогда Васька и Колька перестали драться и хотели отлупить Нюрку, зачем она со спичками вперёд сунулась.

Но Нюрка испугалась и убежала. А разве её, длинноногую, догонишь?!

Так вот и поссорились ребята. На другой день ни Васька к Кольке через заборную дыру не лезет, ни Колька к Ваське. А Нюрка тоже у себя на дворе возится.

Походил-походил по двору Васька – скучно! Достал палку, сел на неё верхом и проехал кругом двора три раза – всё равно скучно. Заглянул он в дыру, видит – Колька с луком и стрелами ходит. В фуражку перо воткнул и будто бы индеец. Обидно стало Ваське. Просунул он голову в дыру и закричал:

– Отдай, Колька, перо, оно не твоё, а наше! Это ты у нашего петуха из хвоста выщипал.

Тут Колька поднял с грядки ком земли. Как запустит его в Ваську, да прямо в живот! Хоть и не больно было Ваське, а всё-таки он заревел.

Васькина мать на крыльцо вышла и начала Кольку ругать. Да и Ваське заодно попало. На другой день ребята – враги. На третий день – тоже враги.

А тут как раз подошло грибное время. Другие ребяташки с соседних улиц соберутся с утра и идут

или в Борковский лес, или на Тихие овраги. Глядишь, к обеду тащат – кто корзинку, кто лукошко. Да грибы-то всё какие – белые! Сахар, а не грибы.

А Ваське одному идти скучно, он и не идёт. Колька тоже не идёт. А Нюрка и подавно – скучно одной.

Сидит как-то Васька у себя на дворе и играет в поезд. Паровоз у него хоть не настоящий, а из ящичков сделан, но всё-таки интересно. Приладил он старую самоварную трубу да и дудит. Ду-у-у! А сам раскачивается. Ящички хотя и не едут, но стучаются один о другой. Так-так, так-так!.. Ну прямо как вагоны.

Вдруг слышит Васька – упало что-то рядом. Видит – стрела. И видит он, что высунул из дыры голову Колька, и жалко этому Кольке нечаянно улетевшей стрелы, и боится он пролезть за нею.

Посмотрел Васька и говорит:

– А хочешь, Колька, я тебе стрелу подам?

Покраснел Колька и молчит.

Слез тогда с паровоза Васька, поднял стрелу и подал Кольке. Взял Колька стрелу, ничего не сказал и ушёл.

Походил, походил, а потом высунулся опять из дыры и кричит:

– А у меня, Васька, свисток, как у кондуктора, есть! Хочешь, я тебе дам поиграть? Только не насовсем.

Принёс Колька свисток да так и остался на Васькином дворе. Наигрались и сговорились завтра утром за грибами идти.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Корф. «А жизнь, товарищи,
была совсем хорошая...»

5

Четвёртый блиндаж

9

Голубая чашка

38

Сказка о Военной Тайне,
о Мальчише-Кибальчише
и его твёрдом слове

79

Чук и Гек

94

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Серия «ЧТЕНИЕ – ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЕ»

ГАЙДАР Аркадий Петрович

ЧУК И ГЕК

Рассказы

Художник

Владимир Плевин

Ответственный редактор *А. В. Купцова*
Художественный редактор *Е. Р. Соколов*
Технический редактор *К. А. Путилова*
Корректор *Т. И. Филиппова*
Компьютерная вёрстка *И. И. Лысова*

Подписано в печать 20.10.2022. Формат 60×90^{1/16}.

Гарнитура «Pragmatica». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,0.

Тираж 6000 экз. D-SCC-31169-01-R. Заказ №

Дата изготовления 21.11.2022.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Mashaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

